Видящий. Небо на плечах

Автор:
Алексей Федорочев

Видящий. Небо на плечах

Алексей Анатольевич Федорочев

Видящий #3

Жизнь прекрасна, когда тебе восемнадцать, ты любимчик императора, богат и обласкан высшим светом. Но круговерть событий, связанных со свадьбой наследницы престола, захлестывает и вовлекает главного героя в вереницу событий, которые могут как вознести до невиданных высот, так и опустить на самое дно. Новоиспеченному графу Васину придется решать, как распутывать интриги новых врагов, стоит ли власть мечты и способен ли человек удержать небо на плечах.

Алексей Федорочев

Видящий. Небо на плечах

Глава 1

Просыпаться было рано, но липкая муть кошмара, где я опять был одиноким безруким инвалидом, напрочь отбила желание досыпать. Аккуратно освободил онемевшую руку из-под белокурой головки, выбрался из кровати.

– Егор?.. – раздался сонный голос моей нынешней подруги.

– Спи, малыш. Еще ночь.

– Умм… ррр… – совсем по-кошачьи согласно мурлыкнула она и скрылась обратно под ворохом одеял.

Мимолетно полюбовавшись на изящную ступню, словно специально оставленную на виду, отвернулся и подошел к окну. То и дело всплывающие в голове обрывки сна любовным играм не способствовали.

В попытке прогнать навалившееся омерзительное чувство беспомощности прислонился лбом к приятно холодному стеклу и принялся растирать затекшее плечо. Снова ощутить себя стариком-калекой, да еще и лишенным источника, было жутко. Положа руку на сердце, не так уж и стар я был, но контраст между моим нынешним молодым и здоровым телом и тем, что было тогда… да еще отсутствие магии без надежды на восстановление… Да ну его к дьяволу, приснится же чушь!

Стремясь стряхнуть наваждение, подошел к шкафу со встроенным зеркалом. Зеркало послушно отразило привычную картину, разве что в стиле ню из-за времени суток. А ничего так. До габаритов пилотов я, конечно, не раскачался, но и плакать над выпирающими костями уже не тянет. Зато ростом неожиданно обогнал всех троих, что одномоментно перекрыло мне потенциальную карьеру пилота МБК. Армейские мехи имели люфт по высоте от ста семидесяти пяти до ста девяносто одного сантиметра, а я со своими метр девяносто пять никак не вписывался в стандарты. Впрочем, меня этот факт нисколько не волновал: с теми деньгами, что я имел, заказ персонального доспеха не представлял проблемы.

Задумчиво сжал и разжал правый кулак. Кошмар напомнил о сокровище, которым я обладаю, – целых две руки, которые не просто руки, что уже однозначно неплохо, но и залог существования магии. Источник в зеркале не отражался, но, скосив глаза на грудь, я мог видеть полыхающую разноцветную звезду, притаившуюся в районе солнечного сплетения. Высокий рост, помимо неудобств, давал и преимущество: алексиуму было на чем расти. Повинуясь паранойе, периодически проводившиеся в академии замеры резерва я игнорировал, а заставить их пройти меня никто не мог. Мне достаточно было сведений, что резерв больше двухсот двадцати условных единиц: почему-то именно это число было принято за планку, отделяющую середнячков от сильных одаренных. Мне лично хватало знания, что как светлый я уже вышел за рубеж в

четыреста УЕ, а вкупе с темным треугольником мог претендовать на фантастическую величину в шесть сотен. И да, моя осторожность родилась не на пустом месте: за всеми одаренными свыше четырехсот двадцати УЕ велся негласный надзор. За мной он тоже велся, но информация о моей настоящей силе могла привести к его конкретному ужесточению или даже к чему-то похуже, о чем не хотелось думать.

Избавившись от последствий кошмара, с новым интересом оглядел и кровать, и зазывно торчащие из-под одеяла пальчики. В конце концов, если не хочется спать, существует множество других приятных занятий, а еще одну молодость мне вряд ли кто подарит.

Апрельское хмурое утро не порадовало. Мало того что проспал, так еще и на пробежке неожиданно всплыл подзабытый мотивчик о полковнике Васине. Ноги в такт привязчивой песенке переставлялись ничуть не хуже, чем с любой другой, но под ложечкой неприятно засосало. Уж слишком многое у меня было связано с «поездом в огне».

Предчувствия не обманули: на берегу, где обычно проходил мой разминочный комплекс, сидел незваный гость.

– Доброе утро, Егор Николаевич, – поспешил он обозначить свое присутствие и мирные намерения.

– И вам не хворать, Данила Александрович.

Есть у меня одна слабость: плохо запоминаю лица. Причем, по-видимому, достался мне изъян вместе с телом, потому что в прошлой жизни я этим не страдал. Здесь же, зная о недостатке, приходилось прикладывать усилия, чтобы держать в голове целый калейдоскоп важных физиономий и (не дай бог!) не перепутать какого-нибудь Иван Иваныча с Иваном Акакьичем. Даже простым людям это было бы как минимум неприятно, а в высшем свете вообще могло вылиться в нехилые проблемы.

К чему я это? К тому, что данного индивидуума, несмотря на заурядную внешность, я запомнил с первого раза. Он даже не был дворянином – этого не позволял его профессиональный кодекс – но, поверьте, такого человека забыть невозможно. До сих пор некоронованный король преступного мира Петербурга

встречался мне на жизненном пути всего раз, когда на нашу базу – по совместительству мое жилище – совершила нападение наглая банда залетных гопников. Попытку грабежа мы отбили, не привлекая местные правоохранительные органы, но само происшествие меня тогда так взбесило! К тому же любимая и тщательно лелеемая паранойя нашептывала о происках сильных мира сего… В общем, взяв неверный след, я слишком основательно всколыхнул столичный криминал, и на утихомиривание моей вспыльчивой особы была брошена тяжелая артиллерия в лице невозмутимо сидящего сейчас на бревне мужчины. Год назад мы с ним разошлись бортами. Немалую роль в мирном урегулировании конфликта сыграл Рус, ставший гарантом нашего нейтралитета, да и мне, когда слегка остыл, уже не слишком хотелось искоренять и корчевать… Короче, этого кадра я тогда запомнил и меньше всего ожидал встретить рано утром на своей полосе берега Невы. Для чего, спрашивается, тратить десятки тысяч на видеонаблюдение и охранные системы, если некоторые личности плюют на этот факт с высокой горки?

– Не спешите ругать своих людей. Даже просто незаметно попасть на это место стоило определенных усилий, а уж захоти я пройти дальше… сомневаюсь, что даже мне бы это удалось, – словно читая мысли, заверил вор в законе.

Не сказать, чтобы утешил, но градус настороженности снизил. Когда хотят убить, долгие разговоры ведут только в кино.

– Интересно, как вам это удалось? Разве что мини-подлодка?.. Не, реально?..

Впечатлен: до сих пор считал, что в частные руки подобные разработки попасть не могли. Хотя что я знаю о спайке криминала и официальных властей? Только то, что она, несомненно, есть.

Не ответив ни да, ни нет, Сорецкий полез в карман за сигаретами. Я же, подождав совсем чуть-чуть, приступил к зарядке. В старом мире некоторый опыт общения с подобной братией у меня имелся. И не так уж и сильно отличались правила поведения здесь и там, разве что феня в империи не была повсеместно распространена, это просто я за время жизни под личиной сиротки Гены Иванова успел нахвататься разного. Но воспользоваться этими знаниями теперь было бы ошибкой. Я не собирался обзывать авторитета «петухом» или «козлом» (ну чем вам эти животные в обоих мирах не угодили?), но и выдерживать весь воровской этикет и лебезить перед гостем считал ненужным. Я-то никогда не сидел и не сяду. Для сильных одаренных в случае доказанного преступления существовало

лишь две меры наказания – принудительная работа на правительство или смерть, что в любом случае избавляло меня от необходимости соблюдать тюремные понятия.

Занимаясь разминкой под пристальным взглядом Папы, обдумывал возможные причины нашей встречи. С криминалом, если не брать в расчет тот эпизод годичной давности, я завязал – заработанных денег хватало с избытком. О двух жмурах – верных соратниках старого монаха – знал только Земеля, неизменно страхующий меня на этих «выездных сессиях». И уж в его-то способности молчать я не сомневался – не тот человек. Так что шантажировать меня неожиданному гостю было нечем. Что не уменьшало беспокойства.

– Чему обязан визитом? – первым не выдержал я.

– Ходят слухи… – затягиваясь уже не первой сигаретой, произнес Папа. – Ходят слухи, что одаренные могут восстановить перегоревший источник, если знать как…

– Могут, даже не зная… механизм неизвестен, – отозвался я, пыхтя на сотом отжимании.

– Могут, – согласился собеседник. – Или не могут.

– На все воля Господа, – прикинулся я ничего не понимающим, меняя упражнение.

– Господь велик! – все так же покладисто откликнулся вор. – Вот только пути его неисповедимы так же, как и деяния его, и дары.

Вися вниз головой на сколоченной Чжоу перекладине, поддержал:

– Аминь.

Пара минут тишины.

– И еще знающие люди говорят, что рядом с одним графом такие чудеса происходят чаще обычного…

– Люди много чего говорят, не всегда стоит верить.

Где-то у Милославского конкретно течет, и мне это не нравится.

– Я бы не поверил, но это очень авторитетные люди, во вранье раньше замечены не были.

– Все случается когда-то в первый раз. Бывает, и проверенные люди ошибаются.

– Бывает… Но тонущий хватается и за соломинку.

Я молча спрыгнул с турника и приступил к растяжке. Время незваного визитера заканчивалось, что почувствовал и он сам. Поэтому, сев на шпагат почти перед самым носом Сорецкого, я удостоился новых откровений:

– Надавить на вас мне нечем. Так что я ограничусь одной историей. Еще при отце нынешнего императора жил в столице молодой и горячий вор. Успешный вор, никакая преграда не была для него помехой. Ходили сплетни, что даже в царский дворец забирался, но это, конечно, молва уже загнула… хотя кто знает, кто знает… И вот однажды мелькнула маза, что одна дворяночка ищет специалиста, способного выкрасть у другого дворянина компрометирующие ее письма. Вор взялся за заказ. Женщина была молода и красива, а вор, как уже говорил, юн и горяч, поэтому в качестве платы потребовал не деньги… – Многозначительная пауза. – Аристократке было некуда деваться, поэтому она согласилась на поставленные условия. И даже честно их исполнила. В отличие от супруга дамы вор был хорош не только в своем ремесле, так что одна ночь переросла в длительную связь, пока любовника не схватили легавые и не отправили за его грехи по этапу. С тех пор много воды утекло, вор и аристократка больше никогда не виделись.

Было предельно ясно, что Папа говорит о собственной молодости, поэтому никаких язвительных комментариев я и не отпустил, хотя на языке вертелись. Распутавшись из особо заковыристой позы, знаменующей конец растяжки, опустился на коврик для медитаций. В транс входить, разумеется, не стал, но веки прикрыл. Авторитет являлся очень слабеньким, но все же одаренным, и в видении светился, а для применения этого навыка открытые глаза мне давно не требовались. Вор был умен и моей мнимой беззащитностью не обольщался,

поэтому все так же ровно сидел на моем любимом бревне. Пока занимался зарядкой, с невольным уважением отметил, что нарушитель безошибочно вычислил единственную мертвую зону камер. Как раз на этом месте мне нравилось обдумывать свои мысли, и именно поэтому ни одно наблюдающее око никогда не смотрело на данный пятачок в три квадратных метра.

– У связи были последствия: графиня родила дочь, – продолжил тем временем Сорецкий, – К счастью, и лицом, и даром девочка пошла в мать, так что никто и никогда не связал ребенка с его настоящим отцом. Девочка давно выросла, вышла замуж, готовилась стать матерью. Но не так давно с ней случилась беда – пьяный лихач за рулем не справился с управлением, вылетел на тротуар, где сбил в том числе и мою… – Впервые голос мужчины дрогнул, а я уж было совсем думал, что у гостя не нервы, а канаты. – Дочь вора и графини.

Теперь я уже знал, о ком идет речь: эта авария наделала много шума, подобные происшествия пока еще не были в порядке вещей. Придурок, севший нетрезвым в машину, сбил не только беременную женщину, пострадали еще три ее подруги, остановившиеся что-то обсудить у витрины ателье. Но те отделались ушибами и вывихами, еще осколками разбитого стекла посекло, а основной удар пришелся на стоявшую спиной к дороге Марину Болотову. Супругу, между прочим, надворного советника Болотова, с которым я поверхностно знаком. Редкостный зануда, любитель присесть на уши, но компетентный в своем деле специалист. Наводить мосты с советником пришлось по просьбе Черного, чем-то Борису этот тип мог помочь. Сотрудничество их вроде бы потом вполне успешно сложилось. Тесен мир. Знал бы, что у Болотовой все серьезно, мог бы и сам подумать, как помочь, а так только карточку со словами поддержки отправил – стандартный знак внимания. А догадку, что все у женщины плохо, тут же подтвердил Папа:

– Пытаясь спасти нерожденного ребенка, она перенапрягла свой невеликий дар – источник выгорел. Но беременность все равно сохранить не удалось – повреждения оказались слишком серьезными. В прессе этого не сообщали. А она уже дважды пыталась покончить с собой, муж и родственники едва успевали в последний момент. Сейчас около нее дежурят круглосуточно, но она уже почти неделю отказывается есть. Физически молодая женщина совершенно здорова, все-таки работали с ней лучшие целители, но вот потеря и ребенка, и источника… да еще одновременно…

– Я слышал о случившемся с госпожой Болотовой, хотя и не подозревал, сколь велики последствия. В прессе об этом действительно ни слова.

– Родные позаботились, – пояснил авторитет и наконец-то перешел к сути разговора. – У графини кроме дочери есть еще двое детей. А вот у вора их больше нет и никогда уже не будет – не позволит кодекс. Поэтому оценить размеры благодарности отца… трудно. Все, что вы захотите: деньги, произведения искусства, люди… Назовите свою цену.

Слово было произнесено.

Отказать – нажить смертельного врага. Тот лихач, что сбил женщин, на днях повесился в изоляторе, причем, со слов Руса, будучи уже мертвым и не совсем целым – вот это, я понимаю, тяга к самоубийству! Сразу чувствуется, как человек раскаялся и осознал.

Согласиться – значит, подписаться, что я все-таки владею секретом. А у меня есть свои причины не разглашать эти знания широкой общественности. Очень эгоистические, не скрою, но есть.

Убить? Волчара этот старый и битый и мне, пожалуй, не по зубам. В смысле, убью-то я его легко, даже руку протягивать не надо, но только подстраховаться на данный случай он должен был, так что не вариант.

Заменталить? Маску Данила Александрович держит на пять, и она не дает определить, какие эмоции им сейчас владеют. А я теперь по себе знаю, насколько это важно. Никогда не забуду, как чуть не расхохотался императору в лицо всего лишь на призыв послужить Отечеству.

Приемлемая форма ответа наконец-то сложилась в моей голове:

– Пожалуй, я навещу господина надворного советника Болотова не далее как сегодня. Степан Никифорович достоин, чтобы поддержать его в трудную минуту. К тому же он оказал немало услуг моему партнеру и, несомненно, еще окажет в будущем.

– Значит ли это?..

– Благодарю за визит и рассказ, он был познавательным, – перебил я вопрос, на который не собирался отвечать. – Возможно, я как-нибудь поведаю вам ответную историю.

С моей стороны цена прозвучала, и Сорецкий это понял. Обозначив кивок, который одновременно можно было принять и за согласие, и за прощание, он поднял с песка мешок, в котором лежали маска и спасжилет, невозмутимо надел последний прямо поверх щегольского полосатого костюма, натянул маску.
А потом, ухватившись за ничем не примечательную палку, рывком распластался на воде и с приличной скоростью скрылся в утренних сумерках, явно подтягиваемый тросом с невидимого мне катера. Или той же мини-подлодки, если она и вправду существует.

Покачав головой вслед, признал: стиль у вора есть, впечатление произвести умеет.

Обстоятельства не спрашивают: готов ты к ним или нет, – они просто приходят. У меня такое ощущение, что эти слова можно выбить личным девизом.

До сей поры я считал, что живу насыщенной жизнью: учился в академии, учился у наставника, под предводительством Черного занимался нашим с ним бизнесом и активно мелькал в свете. Не из удовольствия – упаси боже! – это тоже было частью плана, который я постепенно реализовывал. Но при этом у меня хватало времени на изредка появляющихся подружек (в моем положении сложно было найти девушку, не имеющую на меня далеко идущих видов), на нечастые вылазки «в поле» в компании пилотов и просто на себя. Неожиданный визит Папы, казалось, запустил маятник событий.

Началось все с учебы – наставник потребовал до конца апреля сдать на мастера. Звание всего лишь фиксировало мой нынешний уровень, а его защита требовала показа двенадцати энергоемких техник подряд. Я наивно считал, что экзамен хлопот не доставит, но не тут-то было! Заслуженный и именитый лейб-медик Берген Максим Иосифович – целитель, взявший меня в личные ученики, – был невероятно тщеславен и не признавал демонстрации одной и той же техники двенадцать раз – а допускалось и такое. Даже не просто допускалось – было в порядке вещей. Так нет же! Ученик самого Бергена должен был предъявить комиссии дюжину умений из совершенно разных направлений медицины, а я на

сегодняшний день уверенно знал только восемь. Оставшиеся четыре пришлось спешно тренировать на радость больным из обычной муниципальной больницы, отбивая хлеб у простых врачей.

Тщеславие было присуще не одному Бергену – еще один фанат своего дела возжелал похвастаться своими достижениями, и, конечно, по закону подлости, именно сейчас. Это я о Бушарине. Нашего всеобщего восхищения профессору оказалось недостаточно, ему хотелось утереть нос своим давним недоброжелателям из научной среды, что чисто по-человечески было понятно. За годы работы у Александра Леонидовича накопилось материала на несколько трудов, смело трактующих классические представления о физике алексиума, так что все научное сообщество с нетерпением ожидало скандального доклада в Академии наук. Учитывая, что основной эффект, используемый в открытиях профессора, «скромно» был назван им эффектом Бушарина-Васина, мое участие в этой вакханалии не обсуждалось. И если пилоты, привлеченные к показу для зрелищности, были только рады продемонстрировать свои умения, то мне следовало наблюдать, чтобы в процессе последующей дискуссии профессор ненароком не выболтал сведения, представлявшие коммерческую тайну. Несколько внушений, подкрепленных ментальным воздействием, на эту тему Бушарину уже было сделано, но береженого, как говорится…

Чтобы уж совсем не расслаблялся, на следующую неделю было запланировано масштабное авиашоу от Потемкиных, где мы с профессором, пилотами и нашим бессменным механиком Виктором Жирновым тоже были заявлены среди действующих лиц. В частности, я должен был продемонстрировать, что с новым движком и улучшенной системой управления мех становился настолько прост в обращении, что с ним может справиться и вчерашний школьник. Три раза ха! У нас ведь каждый второй студент имеет сделанный по спецзаказу МБК (я напомню: армейские мне не подходили по росту), а в учителях – без шуток – лучших пилотов империи, да еще на протяжении нескольких лет! Прям типичный вчерашний школьник! Но формально организаторы были правы – мне было всего восемнадцать лет и ни в каких летных училищах или на частных летных курсах обучения я не проходил.

Восстановление источника Болотовой, вдобавок к завертевшимся событиям, было тем перышком, что могло сломать спину верблюду, но, побывав в гостях у Степана Никифоровича, я признал, что откладывать лечение ни в коем случае нельзя. До сих пор мне попадались исключительно сильные личности, пережившие подобное, а жена надворного советника к таковым никак не

относилась. Хотя она же еще и ребенка вдобавок потеряла, могло и это наложить отпечаток… Так что для полного счастья ночами вместо полноценного отдыха мотался на другой конец города, чтобы прокрасться в усыпленный дом, в неверном свете луны сделать несколько надрезов на прекрасном обнаженном женском теле, разложить алексиум и погонять энергию, приживляя его к костям. Раздевая спящую Марину в первый раз, ощущал себя героем дешевого ужастика и извращенцем, но уже в последующие ночи действовал на автомате, не обращая внимания на сопутствующий антураж. Усталость копилась.

– Бу-бу-бу, Егор. Бу-бу-бу. Бу-бу-бу. Бу-бу-бу?

– Угум…

Ничего не мог с собой поделать – глаза слипались сами. Больше недели спать урывками – это слишком даже для меня. А тихая музыка в кафе, где мы сегодня с Полиной Зиновьевной встречались, уютное кресло и бабушкин размеренный голос вместе действовали усыпляюще.

Негромкий, но резкий, похожий на выстрел с глушителем хлопок заставил меня подскочить. Ошалелыми глазами посмотрел, как княгиня, сердито поджав губы, разворачивает сложенную для удара газету. Осознал. Запущенная по телу волна жизни почти не принесла бодрости, потому что была уже, наверное, сотой, и это только за сегодня, но хоть немного разогнала сонливость.

– Прости, пожалуйста, – потирая лицо, извинился я.

– Пожалуй, Егор, тебе удалось подарить мне новые впечатления – до сих пор я, видимо, льстила себе, считая интересной собеседницей. Зато теперь я знаю, что ощущает тот же Коровкин на приемах, когда его несчастные слушатели засыпают прямо посреди фразы.

Господин Коровкин был замглавы столичной пожарной службы, отличнейшим человеком и моим хорошим знакомцем. Но в глазах света обладал одним существенным недостатком – очень тихим, лишенным интонаций голосом. Многие знали, что это следствие второго режима общения – крика и мата, связки у Алексея Николаевича были перманентно повреждены, но женщинам втолковывать это было бесполезно, они считали Алексея Николаевича

невыносимо скучным.

– Бабуль, не передергивай! Во-первых, Алексей Николаевич ничуть не переживает насчет своих талантов оратора. Ему главное, чтоб его подчиненные на работе не спали. А во-вторых, ты сама знаешь, что собеседник ты прекрасный, вот только у меня денечки сумасшедшие выдались.

– Что-то с учебой? Или?..

– Всего помаленьку: и ваше авиашоу, и бушаринский доклад, и Борис с очередной стройкой активизировался, и Берген лютует – бестолочью обзывает.

– Вот уж никогда не думала, что мой внук лейб-медиком станет, мужчины мои все больше на флоте служили…

– Каким таким лейб-медиком? Ты о чем? – С меня разом слетели остатки сонной одури.

– «Лейб» – это «царский», если ты не знал. Врачом императорской семьи, – снисходительно просветила меня Полина Зиновьевна.

– Ну, я не настолько темный, к твоему сведению, чтобы не знать, кто такой лейб-медик. А даже не знал бы, так Максим Иосифович по десять раз на дню свое звание упоминает. При чем тут я?

– Ты хочешь сказать, что ничего не понимаешь? – удивилась она.

– И что я должен понимать? Намекни хоть.

– Максим Иосифович уже много лет себе преемника ищет, но личных учеников набрал впервые. Зачем намеки? Куда уж прозрачнее.

– Бабушка! Нас – его личных учеников – шестеро! Все, кроме меня, старшекурсники и все одаренные. Метла, кстати… извини, Иван Васин тоже в нашей группе. И только мы с ним обучаемся за свой счет, остальные – по государственным грантам. Не логичнее ли выбрать из той четверки?

– Егор! – как на маленького посмотрела на меня княгиня. – Скажи мне теперь, кто у него любимый ученик?

– Уж точно не я: у меня и руки кривые, и растут они из… гм… не из плеч. Это я тебе еще только цензурные эпитеты привел, – пожаловался я на горький хлеб самого младшего и самого шпыняемого ученика.

– И всех остальных он так же гоняет?

– Может, и не так же, но они же старшекурсники, по определению больше меня знают.

– Но мастерство-то только с тебя он требует?

– Ото всех, – разрушил я бабушкины логические построения. – Иван в прошлом году сдал, правда, он попроще отскочил – сам пошел, так что таких сложностей, как у меня, не было: одну технику двенадцать раз предъявил – и вуаля! Те четверо тоже сдавали, не знаю как, но сдавали, так что мимо.

– Хм, – опять поджала губы княгиня, неохотно расставаясь с иллюзиями о моей выстроенной придворной карьере.

А я вспомнил свою первую встречу с наставником и невольно улыбнулся.

На первом курсе я был не самым прилежным студентом. На многих предметах мне было откровенно скучно, потому что основы я знал, пройдя их еще в училище или с мамой в детстве. Далеко не все, конечно, и, понятно, в упрощенном виде, но этого хватало, чтобы не особо утруждать себя в учебе. Тогда еще с Потемкинскими заводами морока была – периодически приходилось мотаться по Уралу с Бушариным, так что к рождественской сессии набралось немало желающих отчислить нерадивого студиоза. У меня даже появилось особое достижение: только у одного первокурсника экзамены и зачеты принимали сразу несколько преподавателей, гоняя по всем пройденным темам и сверх них.

Кто такой этот пожилой одаренный мужчина в дорогом костюме, привязавшийся ко мне с проблемами приживления утерянных конечностей в полевых условиях, –

кстати, вопрос уже давно вышел за рамки анатомии, с которой мы начинали, – я не имел ни малейшего понятия. Поэтому спорил с ним без малейшего пиетета, давя опытом.

– И тогда ваш пациент умрет! – торжествующе произнес он на каком-то моем доводе.

– Шаман, – не выдержал я, достав из сумки рацию, – поднимись в здание, зайди в аудиторию триста двадцать!

– Принято, – пришел отзыв с катера.

– И что же вы, молодой человек, собираетесь мне доказать вашим колдуном?

– Не колдуном, а Шаманом, это позывной. А хочу я вам, господин хороший, предъявить того самого человека, что вы опрометчиво записали в мертвецы.

– Вот как?

– Вот так! В одном вы, конечно, правы: будь мой друг неодаренным, он бы наверняка так и остался на том поле, но вот в том, что у меня ничего не было, кроме пяти индивидуальных аптечек, я не преувеличиваю. У меня даже шовного материала не было, пальцами сосуды сжимал, пока он сам своей силой их сращивал.

– Почему же вы тогда сами их не срастили, раз такой опытный? – с ехидным интересом спросил экзаменатор помоложе.

– Источник сжег, – хмуро признался я.

– Вот как? – уже с новыми интонациями произнес мужчина.

Ожидаемые вопросы я сбил одним предупреждающим взглядом, так что несколько минут до прибытия Алексея мы с комиссией сидели молча.

Шаман, возможно, и привык, что девушки стремятся снять с него штаны, но того, что это попытаются сделать сразу несколько мужчин, да еще в таких с

виду неподходящих обстоятельствах, никак не ожидал. И растерянно стал отбиваться.

– Леха, нам нужна твоя нога. – Своей фразой ситуацию я ничуть не прояснил.

– Молодой человек, успокойтесь, мы всего лишь хотим осмотреть вашу ногу! – уже более внятно высказался привязчивый экзаменатор.

Обреченно вздохнув, Алексей взялся за ремень.

На месте разрыва давно не осталось ни рубцов, ни каких-то других следов, но при углубленной диагностике этот участок выглядел чуть иначе, так что мои слова легко проверялись – в собравшейся комиссии только мой преподаватель был неодаренным, приглашенные светили источниками. Помучив Шамана, экзаменаторы переглянулись, а ему дали разрешение одеваться.

– Что я могу сказать – по самому краешку прошли, – резюмировал пожилой, когда Леха покинул кабинет.

– А то я не знаю!

– Сколько лет вам было? Операция давняя, – спросил второй приглашенный.

– Тринадцать. Почти четырнадцать.

– Почти четырнадцать!.. – саркастически протянул тот, что постарше, а потом неожиданно спросил: – Ко мне в ученики пойдете?

– А вы, простите, кто? – только и догадался уточнить я.

Вот так, под смешки экзаменационной комиссии, и состоялось мое знакомство с наставником.

– Улыбаешься! – сердито отреагировала княгиня на мою улыбку. – Над несчастной старухой смеешься! А я ведь тебе только добра желаю!

– Бабушка, не прибедняйся! На бедную несчастную старуху ты никак не тянешь! – Вот что я твердо уяснил, так это необходимость сразу пресекать подобные причитания. – И потом, у нас с тобой разные понятия о добре, это мы уже давно выяснили. Давай не портить такой хороший день ссорами по пустякам.

– Но если Берген предложит, ты хотя бы подумаешь? – жалобным дрожащим голоском спросила меня эта почтенная манипуляторша.

Посмотрел на заметно сдавшую с момента нашего знакомства Полину Зиновьевну и не нашел в себе сил категорически отказать, хотя твердо знал, что этот путь не для меня.

– Ладно, подумаю, – и в ответ на вспыхнувшую надежду на бабулином лице заметил: – Только подумаю! Вон и Лина идет! Пойду встречу.

Из-за столика сбежал с удовольствием: особо управлять мной у княгини не получалось, уступал я ей лишь в мелочах и лишь когда признавал собственную выгоду, но это не значит, что она не пыталась снова и снова. Периодически утомляло.

Сестренку встретил почти у самых дверей, принял плащ, чтобы тут же передать местному гардеробщику, и галантно поцеловал протянутую руку. После чего мы с ней довольно рассмеялись.

С Ангелиной, единственной из детей моего отца, я поладил. Не факт, конечно, что потом, когда Полины Зиновьевны не станет, мы будем поддерживать теплые родственные отношения, но пока против бабушкиной гиперопеки выступали единым фронтом, а это сближало. А вот с Катериной мне так и не удалось найти точек соприкосновения, так что, потаскав ее какое-то время на наши встречи, княгиня перестала мучить и девочку, и меня. О судьбе всего раз виденного Михаила, оказавшегося не совсем княжичем и чье имя стало табу во всех разговорах с Потемкиной, знал только, что парня сослали в закрытое училище, причем даже не в Царскосельский лицей, а рангом попроще – навроде моего бывшего Святомихайловского.

– До женитьбы уже дошли? – поинтересовалась Ангелина, направляясь к нашему столику.

– Застряли на карьере, – отчитался я, – но тема свадьбы не за горами. – Окончание фразы потонуло в мощном зевке. – Прости, спать хочу до изнеможения, может, в другой раз в остроумии попрактикуешься?

– А что мне за это будет? – ехидно уточнила сестра.

– Моя горячая братская любовь.

– И исполнение желания?

– Мечтать не вредно.

– Вредно не мечтать, – вернула мне подачу сестрица, слышавшая как-то от меня это выражение. – Вообще-то у меня к тебе дело есть, – понизив голос, сказала она.

– Выкладывай, ты же знаешь – вслепую ни на что не подпишусь.

– Не при бабушке!

– Ох уж эти страшные девичьи тайны! Когда и где?

– Давай как-нибудь в выходные в Летнем саду встретимся? Если погода хорошая, я там рисую и гуляю по субботам с двенадцати до двух обычно. Там охрана хотя бы в затылок не дышит, – повинилась она, стрельнув заговорщицким взглядом. – И мне на самом деле это очень нужно.

– Хорошо, только не в эту, в эту я занят, как и в следующую. Две недели твое дело потерпит?

– Потерпит, наверное.

– Тогда через две субботы.

Устроив сестру за столом, вернулся на место, морально готовясь перейти ко второму раунду общения с Полиной Зиновьевной. Как метко заметила Ангелина,

мне еще предстояло вытерпеть и отбить матримониальные поползновения бабули в свой адрес. На самом деле ранние помолвки сейчас уже редко заключались, да и возраст вступления в брак сильно сдвинулся в бо?льшую сторону, но княгиня была женщиной старой закалки, к тому же нередко заводила разговоры о своей смерти, так что, несмотря на мое стойкое неприятие, постоянно грузила этой темой.

Почему я мирился с этим? Ответ все тот же: признание в обществе, ум и связи. Я почти два месяца не мог попасть на прием к градоначальнику, чтобы получить от него разрешение на строительство аквапарка, – видите ли, абсолютно новое начинание и нет никаких инструкций по их обустройству! А стоило пожаловаться Полине Зиновьевне, как неуловимый Яков Илларионович вдруг преисполнился радушием и принял меня на следующий же день! И пусть в итоге пришлось «поделиться», но даже так размер отката оказался гораздо скромнее, чем если бы я все-таки вышел на Рылова сам. И это не единственный случай: в той же ситуации с Болотовой княгиня помогла разрешить мои сомнения. Потемкина имени давнего таинственного любовника графини Неровской не знала, но охарактеризовала последнюю как весьма легкомысленную особу, вполне способную и написать компрометирующие ее письма, и закрутить роман с помогавшим вором, и родить от него ребенка. Не стопроцентное подтверждение, но хотя бы так.

А во-вторых, я ощущал свою вину перед княгиней. Косвенную, но все же… Как ни крути, а мечта старого монаха отчасти сбылась: пусть и не было на моих руках крови Потемкиных, но именно с моим участием из их рядов выбило самых сильных и умных.

Двух лет мне хватило, чтобы поверить старшим товарищам, утверждавшим, что менталисты – это крайне редкие звери, которые на каждом шагу не встречаются. Так-то официальная наука вообще категорически отрицала подобную идею, но были те, кто ей верил, и те, кто знал. Ко вторым в моем окружении относились мама, Григорий Осмолкин-Орлов и, как ни странно, Олег Земелин-Васин. Вероятно, знал еще Дмитрий, как внук своего деда, но с ним у нас никогда речь о мозголомательных техниках не заходила – короткого времени встреч едва хватало на пересказ новостей и традиционный обмен кодовыми фразами. Также понятно, что о возможности ментального воздействия на человека точно знали Милославский и император, но им по должности положено было.

А по итогам собственных упражнений в менталистике могу ответственно заявить: если бы не моя читерская способность видеть и наличие взрослого сознания – фиг бы мне поддались данные техники: это даже не просто жизнью надо было уметь оперировать – это особый изворот ума требовался. И база, потому что самоучке подобрать все эти комбинации было нереально. Без базы можно было только папенькин «шарм» изобрести, что тоже было весьма нетривиальным навыком и не таким уж простым в использовании.

Собственно, нашим от этого было только легче. Не приходилось переживать за драгоценные мозги профессора, отпуская его от себя после разгоревшейся жаркой дискуссии в залах главного здания Академии наук. А выкрики с мест, оскорбительные реплики и вопросы не по регламенту можно было и перетерпеть.

– Это, безусловно, сенсация, – сказал почему-то не Бушарину, а мне какой-то дородный академик в холле, когда толпа желающих непременно прямо сейчас что-то уточнить или просто выразить восхищение оттеснила меня от героя дня. Не сразу, но вспомнил имя собеседника – Грушин Петр Ильич – тезка композитора.

– Несомненно, Петр Ильич, несомненно. Признаюсь, еще только познакомившись с Александром Леонидовичем, отметил его высочайший ум, а дальнейшее сотрудничество только укрепило меня в этой мысли!

«О как!» – сам восхитился, как завернул.

– Светлейшая голова! Не знаете, Александр Леонидович не собирается подавать заявку на вступление в наши ряды? Теперь, когда главное открытие его жизни состоялось, грех прятать такой талант!

– Не знаю. Для звания академика вроде бы еще преподавательская деятельность требуется, просвещение масс, так сказать. Я, признаться, не силен в вашей бухгалтерии…

– Какие ваши годы! – хохотнул собеседник. – Разберетесь! И все же передайте Александру Леонидовичу, что мы были бы рады видеть его в числе академиков. А я, кстати, наслышан и о вас! Возможно, еще станете моим коллегой!

И позвольте поздравить с мастером! Говорят, ваш экзамен войдет в анналы, поскольку хоть вы и не самый молодой мастер в империи, но, безусловно, самый одаренный! Такого разнообразия целительских техник, да еще без использования накопителей, на этой проверке не представлял никто.

– Благодарю, но это заслуга наставника. Максим Иосифович от кого угодно результата добьется.

– Это да. Он, безусловно, такой!

Забавно, что этот кадр слишком часто вставляет в речь «безусловно», ученым же вроде положено во всем сомневаться.

– Что же он не пришел разделить и эту вашу победу?

– Почему не пришел? На докладе и дискуссии он присутствовал. – Я, вообще-то, чуть было не допустил серьезную оплошность – не сообразил пригласить Бергена на выступление, но он не постеснялся сам напомнить и отжать себе и своим коллегам несколько зарезервированных на всякий случай мест. – Сейчас, вероятно, уже ушел – служба.

– Жаль, жаль. Хотел с ним кое-что обсудить в неформальной обстановке… Но я к вам, Егор Николаевич, подошел не за этим. Мои лаборатории тоже изучают алексиум и тоже имеют интересные разработки. Хочу пригласить вас к себе на экскурсию. Ведь вы, как я знаю, безусловно, являетесь непревзойденным практиком в этом вопросе. Да и взгляд свежего человека иногда бывает очень кстати.

– Откуда такая информация, Петр Ильич?

– Оттуда, господин граф, – многозначительно поднимая глаза к потолку, промолвил академик. – Оттуда!

– Благодарю за столь лестную оценку и с удовольствием посмотрю на ваши лаборатории. Когда?

– Да хоть завтра, если вы не заняты.

– Договорились.

– Тогда позвольте вас оставить, ведь это не только Александра Леонидовича, это и ваш триумф. Наслаждайтесь!

«Мило, мило», – думал я, провожая Грушина взглядом. За пять минут разговора этот тип намекнул, что Бушарин стал бесполезен, попытался вбить клин между мной и наставником, потом тут же исправился и изобразил себя чуть ли не лучшим его другом, пролил тонны меда на мою юношескую душу, еще и на особое доверие императора сослался. И построил разговор так, что отказаться идти смотреть эти самые его лаборатории я никак не мог.

– Егор! – отмашка от Шамана, обеспечивающего сегодня пути отхода, отвлекла меня от раздумий. Со вздохом ввинтился в толпу, спасая новоявленного гуру от несдержанных почитателей. И, если судить по растерянным взглядам профессора, помощь ему сейчас была не лишней. Тяжело бремя славы.

– Рус! К утру у меня должно быть все, что сможешь нарыть на Грушина Петра Ильича. Академик, ученый. Ведет исследования алексиума, но это он сам мне сказал, – распорядился я, едва ступив на катер.

– Что-то еще о нем известно?

– На вид лет пятьдесят пять – шестьдесят, вальяжный такой. Если заметил, у меня с ним короткая беседа в холле была.

– С какой целью справка?

– Да если бы я знал! Пригласил меня завтра осмотреть его лаборатории, цитирую: «По мнению сверху, вы являетесь непревзойденным практиком в этом деле».

– Принято, по приезде займусь.

– Егор, а я не могу вам немного помочь в этом вопросе? – спросил профессор, ставший свидетелем нашего разговора.

– Вы его знаете? – развернулся я к Александру Леонидовичу. – Простите, профессор, просто это явно столичная штучка, я думал, вы с ним не встречались.

– Всего несколько раз, но встречался. Он когда-то проект Базарина курировал, и помните, я вам о назначенном нам начальнике рассказывал? Который все наше дело развалил? Так это его родственник был.

– Тот самый хлыщ, что вам потом репутацию подмочил? Как там его звали?

– Светозар Иванович Мусоргский. Но его, простите, за глаза иначе, чем Светочкой, никто у нас не называл.

– «Могучая кучка», блин, – всплыла еще одна ассоциация с композиторами.

Или это из другой оперы?

– Что, простите?..

– Не лучшая ему характеристика, говорю, – не стал я пояснять Бушарину свой ассоциативный ряд.

– Не будь его, мы бы с вами не встретились, – мягко улыбнулся профессор.

– Александр Леонидович, я бесконечно счастлив, что встретил вас. Не смущайтесь, я говорю от чистого сердца. Ну и еще немного – от нашего с вами туго набитого кошелька, – решил разбавить я пафос собственной речи, видя, что проф едва-едва сдерживает слезы. Так-то он был спокойным человеком, но еще не прошедшее возбуждение после публичного выступления повлияло на его эмоциональность. – Но это не значит, что я буду благодарен какому-то деляге от науки, который организовал вашу травлю. И, согласитесь, государство от этого проиграло. Ведь точно так же мы могли и не встретиться. Я искренне верю, что ваш гений все равно пробил бы себе дорогу, но…

– Спасибо, Егор. – Бушарин перебил мой панегирик, окончательно растрогавшись. – Так вот, о Грушине… – Проф высморкался в платок, скрывая волнение, вызванное моими словами. – При всем моем неуважении к его племяннику, Петр Ильич курирует почти все работы с алексиумом в нашей

империи. И по праву считается признанным авторитетом в этой области. Я не могу гарантировать, что его многочисленные монографии написаны им самим, все-таки Светочка брал же с кого-то пример, набиваясь в соавторы, но он основательно… как вы там выражались? – в теме. Да, он честолюбив и любит напомнить, что обласкан императором, но тот же Тимофей Михайлович не раз высоко о нем отзывался, а это что-то да значит.

Скоропостижно скончавшийся когда-то научный руководитель Бушарина был для него путеводной звездой и примером для подражания, это я давно заметил. Но раз именно Тимофей Михайлович Базарин вывел в теории ту самую схему, с которой мы благополучно стригли сейчас купоны, то его рекомендацию стоило принять к сведению.

– Значит, умен и в теме… Что-то еще?

– Знаете… – Проф замялся, но все же честно признался: – Это, конечно, только мое мнение… но мне кажется, что он больше не по физике, а по биологии алексиума…

Опаньки! Утверждение на грани крамолы. Любые опыты над одаренными были строжайше запрещены – это было прописано в законодательствах всех стран, считающих себя хоть сколько-нибудь цивилизованными. За ту же флешку, что по незнанию была скопирована мной с компьютера Залесского, полагалось весьма суровое наказание без учета любых смягчающих обстоятельств. Правило, что чаще нарушалось, чем соблюдалось, но тем не менее ни одно государство не рискнуло бы признаться в подобных исследованиях. Серьезное и опасное заявление.

– Я понял вас, Александр Леонидович.

– Егор, я знаю, вы…

– Я понял, профессор, не стоит повторять.

– Тогда я спокоен.

– Рус, ты услышал, если что-то найдешь дополнить…

– Утром информация будет на вашем столе.

Ничего особенного справка от Францева на следующий день не содержала, разве что факт наличия сразу двух постоянных любовниц у Петра Ильича, но тут мог только поаплодировать: в таком возрасте обычный неодаренный человек, да еще и будучи женатым! В общем, не совсем то или, точнее, совсем не то, что я искал. Мне гораздо интереснее было, мог ли академик знать обо мне что-то сверх общедоступной информации, потому что подобная осведомленность шла вразрез с нашими договоренностями с императором и Милославским. Я, конечно, имел подозрения, что «хозяин земли русской» мог быть и хозяином своему слову, но как-то не вязалось это с создавшимся у меня впечатлением о Константине Втором.

Вот таким, полным сомнений и опасений, я и явился на запланированную экскурсию.

– К сетке лучше не подходить, следуйте по дорожке, – на КПП, а просто вахтой назвать это сооружение не поворачивался язык, порадовался, что не позвал никого в компанию, – пропуск был выписан только на меня. Ассистент Грушина, встретивший у входа, недоуменно косился на вольеры с нетипично ведущими себя «одаренными» собаками. Не знай я, что подобные твари пылают ко мне необъяснимой любовью – тоже бы занервничал от их тоскливого воя и лая. – Да чтоб вас!.. В первый раз вижу такое!

– Серьезная охрана, почти как в казначействе, – неловко пошутил я в попытке отвлечь сопровождающего от странного поведения животных.

– Так не шуточки! – не разделил моего легкомыслия ассистент. – Здесь около десяти тонн алексиума!

– Нехило! – польстил я проводнику, начисто игнорируя факт, что под будкой моего Бобика уже было закопано примерно столько же метеоритного железа.

Болота Карелии были не единственными болотами в стране, а при наличии скоростного доспеха расстояния меня не сильно ограничивали. Но это так, к слову.

– На ночь собак выпускают, так что пробраться в комплекс невозможно. Да и сами лаборатории расположены под землей, и там самая современная защита. У нас все на самом высшем уровне! – похвастался мне молодой ученый.

С умным видом, поддакивая в нужных местах, я выслушивал дифирамбы системам безопасности. Если верить собственному видению, замаскированные ловушки действительно были густо натыканы. Реже, чем пытался втереть мне спутник, но чаще, чем этого требовал здравый смысл. Складывалось впечатление, что алексиума на их обустройство было потрачено чуть ли не столько же, сколько хранилось в комплексе. Машинально начал прикидывать, как стал бы штурмовать это здание, потом одернул себя и сосредоточился на поисках путей отхода – на душе было неспокойно.

Радушный академик принял меня в свои объятия и повел знакомить с поднадзорным хозяйством. Вникая в не всегда понятные комментарии, я пытался параллельно разобраться в себе, потому что ощущения были двоякими. С одной стороны, хотелось облегченно рассмеяться: ничего-то вальяжному ученому обо мне не было известно, а экскурсия оказалась банальным разводом на деньги богатенького юнца. Здесь мы с моей любимой паранойей в очередной раз сели в лужу. С другой – даже обидно, я ж тут весь из себя избранный, а меня как лоха какого-то… всего лишь подоить хотят. Где, спрашивается, мировой магожидомасонский заговор, где я, весь в белом, спасу Отечество? Где пафос и превозмогание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/fedorochev_aleksey/vidyaschiy-nebo-na-plechah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити